

политика

И.В.Задорин

РЕГИОНЫ «РУБЕЖА»: ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ «ОСОБОСТИ»¹

¹ *Статья подготовлена на основе аналитического доклада по итогам исследовательского проекта «Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны», выполненного АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН) на средства целевого финансирования, выделенные Некоммерческим фондом «Институт социально-экономических и политических исследований». Автор выражает признательность сотрудникам группы ЦИРКОН О.А.Гуркиной, А.П.Хомяковой и Л.В.Шубиной, принявшим участие в подготовке глав аналитического доклада, используемых в настоящей статье.*

Игорь Вениаминович Задорин — руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН, старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН (ФНИСЦ РАН). Для связи с автором: zadorin@zircon.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в четырех приграничных (фронтирных) регионах России (Крым, Приморский край, Калининградская и Мурманская области), а также в двух контрольных регионах, расположенных во внутренней части РФ (Костромская область и Чувашия). Исследование носило комплексный характер. При его проведении были задействованы такие исследовательские процедуры, как сбор статистической информации, характеризующей текущую ситуацию в регионах, серия дискуссионных фокус-групп, включавших в себя представителей (1) малого и среднего бизнеса, (2) гражданского общества и (3) экспертного сообщества, и массовые опросы населения. Объектом исследования выступало взрослое население указанных регионов в возрасте от 18 лет. Объем выборочной совокупности — 5 тыс. респондентов.

Предмет исследования включал следующие компоненты: укорененность населения (наличие/отсутствие потенциальной готовности к смене региона проживания); территориальная идентичность; восприятие региона проживания и его населения; представления об особенностях жителей региона; уровень доверия и склонность к солидаризации; уровень открытости; наличие/отсутствие «оборонного сознания»; представления о перспективах развития региона и его «миссии»; восприятие региона как «особого» по сравнению с другими регионами РФ; уровень политической лояльности населения; восприятие «центра» и отношение к нему; отношение к расширению полномочий региона.

Конечной целью исследования было выявление связи территориальной идентичности населения изучаемых регионов с восприятием их жителями перспектив развития региона, включая отношения с федеральным центром и другими субъектами Федерации.

Ключевые слова: фронтир, массовое сознание, ценностные ориентации, территориально-гражданская идентичность

Введение

Стало уже общим местом при социологическом описании Российской Федерации говорить о высокой степени ее территориальной неоднородности и социокультурного разнообразия. Причем данное разнообразие рассматривается как в положительном ключе (как потенциал развития страны), так и в негативном (как возможный источник раскола и даже сепаратизма). В связи с этим актуализируется вопрос об оптимальном уровне региональной дифференциации, который бы, с одной стороны, поддерживал развитие и эффективное межрегиональное «разделение труда», а с другой — обеспечивал сохранение политического и экономического единства страны. И в поиске ответа на этот вопрос немаловажное значение имеет проблема территориально-гражданской идентичности жителей различных регионов страны.

Географическое положение Крыма, Приморского края, Калининградской и Мурманской областей определяет стратегический статус данных регионов как с точки зрения национальной безопасности, так и с точки зрения перспектив социально-экономического развития страны. Указанные регионы являют собой условно южный, восточный, западный и северный *фронтиры* — территории особых социально-экономических условий, связанных с более интенсивной трансграничной коммуникацией и повышенным влиянием различных «приграничных» государств и культур (Турция, Япония, Китай, страны Восточной, Центральной и Северной Европы).

NB! В настоящей статье и лежащем в ее основе исследовании понимание термина «фронтир» отличается от классического, введенного Фредериком Тёрнером. Авторы исследования в большей степени фокусировали внимание на аспекте «*приграничности*», нежели на «*освоении*», руководствуясь в том числе и замечанием самого Тёрнера, что «России требуется своя собственная концепция интерпретации развития ее фронтиров»².

² Цит. no: Billington 1973: 459.

С большой долей вероятности следует предположить, что фронтирное положение оказывает непосредственное воздействие на общественные отношения, ценностные ориентации, политические и экономические установки и модели социального поведения — а тем самым и на территориально-гражданскую самоидентификацию людей, проживающих на «передовых рубежах» России. При этом радикальное изменение «идентификационного кода» большинства населения этих регионов может стать потенциально опасным для страны в целом. В этой ситуации при разработке стратегических программ социально-экономического развития фронтирных регионов необходимо учитывать характер гражданской и территориальной идентичности их жителей, выявлять факторы, влияющие на эту идентичность, изучать основные тенденции в массовых настроениях. Однако комплексные научные исследования, которые были бы посвящены изучению российского фронта вообще и самоидентификации населения рубежных территорий в частности

и охватывали бы все четыре географических направления, на сегодняшний день отсутствуют. Недостает сведений о текущем состоянии и возможных сдвигах в ценностных ориентациях, политических и геополитических установках и моделях поведения жителей таких регионов.

Изучение актуальных процессов, происходящих в массовом сознании в рубежных регионах современной России в условиях обострения геополитической конкуренции и международной обстановки, — важное направление работы социологов. В ходе такой работы становится возможным углубленный анализ региональных особенностей формирования гражданской идентичности в России, а также проведение социологически корректного сравнения фронтальных и «внутренних» регионов страны. Это в свою очередь способствует расширению теоретического и методического арсенала российских социологов, стимулируя дальнейшие исследования приграничных территорий РФ в контексте теории фронта.

Методология и методика исследования

³ Авторы понимали некоторую условность объединения в один объект столь разных по идентичности населения образований, как Севастополь и Республика Крым. Тем не менее для поставленных в исследовании задач это было признано правильным.

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, было проведено в четырех профильных (фронтальных) регионах — Крыму (Республика Крым + Севастополь³), Приморском крае, Калининградской и Мурманской областях, а также в двух контрольных регионах, расположенных во внутренней части РФ, — Костромской области и Республике Чувашия. Объектом исследования выступало взрослое население указанных регионов в возрасте от 18 лет.

Предмет исследования включал следующие компоненты:

- укорененность населения (наличие/отсутствие потенциальной готовности к смене региона проживания);
- территориальная идентичность;
- восприятие региона проживания и его населения, представления об особенностях жителей региона, уровень доверия и склонность к солидаризации (сплоченности), уровень открытости, наличие/отсутствие «оборонного сознания», ориентированность на приграничный бизнес (или отсутствие таковой), поведение в информационной сфере;
- представления о перспективах развития региона и его «миссии», восприятие региона как «особого» по сравнению с другими регионами РФ, оценка стратегической роли приграничных регионов («регионы — форпосты» или «регионы — мосты»);
- уровень политической лояльности населения, характер геополитических ориентаций;
- восприятие «центра» и отношение к нему, центростремительные и центробежные настроения, тяготение к иным центрам;
- отношение к расширению полномочий региона.

Исследование носило комплексный характер. Для решения поставленных задач были задействованы такие исследовательские процедуры, как:

- сбор статистической информации, характеризующей текущую ситуацию в регионах по ряду параметров, обычно используемых для операционализации понятия «фронтир»;
- серия дискуссионных фокус-групп (ДФГ). В каждом из четырех приграничных регионов проводилось по три ДФГ, включавших в себя представителей (1) малого и среднего бизнеса, (2) гражданского общества (гражданские активисты, представители известных НКО и центров публичной политики, священники) и (3) экспертного сообщества (научные и вузовские работники, сотрудники информационно-аналитических структур, журналисты-обозреватели), в двух контрольных — по одной;
- массовые опросы населения. Объем выборочной совокупности — по 1000 респондентов во «фронтирных» регионах и по 500 в контрольных, то есть всего 5 тыс. респондентов. Выборочная совокупность репрезентирует взрослое население каждого из регионов по полу, возрасту, образованию, месту проживания (тип населенного пункта). Опросы реализованы методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондента.

Конечной целью исследования было выявление связи территориальной идентичности населения изучаемых регионов с восприятием их жителями перспектив развития региона, включая отношения с федеральным центром и другими субъектами Федерации.

**«Укорененность»
и миграционный
потенциал**

Анализ территориально-гражданской идентичности населения фронтирных регионов России уместно начать с описания некоторых его характеристик, задающих своего рода контекст формирования общественных отношений, ценностных ориентаций, политических и экономических установок и моделей социального поведения граждан, проживающих на «передовых рубежах» страны. В проекте, результаты которого легли в основу этой статьи, к таким характеристикам были отнесены демографический и национальный состав населения, соотношение коренных и некоренных жителей, распространенность миграционных настроений, а также особенности религиозной и национальной идентичности.

Одной из важнейших характеристик жителя региона является «укорененность». Под укорененностью в настоящем исследовании понималось длительное проживание в регионе в сочетании с поколенческой связью с ним (то есть с проживанием в регионе предыдущих поколений семьи). Принято считать, что укорененность способствует формированию территориальной и гражданской идентичности, сплоченности, готовности к совместным действиям, заинтересованности в развитии региона проживания.

Согласно данным опросов, коренные (i.e. родившиеся в регионе) жители преобладают во всех шести рассматриваемых регионах, но их доля в общем составе населения не одинакова (см. *табл. 1*). Больше

⁴ Не исключено, что в Крыму доля приезжих в действительности выше, нежели показал опрос. Дело в том, что в выборке оказался чуть меньший, чем по данным переписи, процент крымских татар (которые чаще других отказывались от участия в интервью), а среди них высока доля не родившихся в регионе.

всего коренных жителей в Приморском крае (85%), далее следуют регионы центральной России — Чувашия (82%) и Костромская область (77%). В трех других регионах — заметим, все они фронтирные — ситуация несколько иная: доля «пришлых» составляет здесь около трети всего населения⁴, причем, судя по всему, большая их часть — это «мигранты» еще советских времен. Та же закономерность просматривается и применительно к доле жителей, чьи предки жили в том же регионе (см. табл. 2).

Другой важной характеристикой, отражающей восприятие своего региона, наличие или отсутствие ощущения связи с местным сообществом, является отношение к перспективе сменить место жительства. Судить о таком отношении позволяют, в частности, ответы

Таблица 1 Скажите, пожалуйста, Вы родились в регионе или переехали сюда позже?⁵

⁵ В этой и следующих таблицах полужирным шрифтом выделены показатели, которые статистически значимо выше средних, курсивом — те, что статистически значимо ниже средних.

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
Родился в регионе	61%	64%	67%	85%	77%	82%
Родился в регионе, потом уехал и вернулся	2%	4%	1%	1%	2%	3%
Приехал в регион определенное число лет назад	34%	27%	24%	9%	18%	13%
Приехал, не помню, сколько лет назад	4%	5%	7%	5%	3%	2%

Таблица 2 Жили ли в Вашем регионе Ваши предки — родители, бабушки-дедушки, другие старшие родственники?

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
Да, жили	68%	66%	61%	75%	82%	88%
Нет, не жили	32%	31%	37%	19%	17%	12%
Не знаю, не помню, не интересовался этим	1%	3%	2%	6%	1%	0%

респондентов на вопрос, хотели бы они переехать в другой населенный пункт своей области, в другой регион или в другую страну, если бы им представилась такая возможность (см. табл. 3).

Таблица 3 Если бы представилась такая возможность, хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт Вашего региона, другой регион, другую страну? Если да, то куда?

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
Нет, не хотел бы никуда уезжать	72%	77%	54%	65%	70%	70%
Хотел бы переехать в другой населенный пункт в пределах региона	9%	12%	8%	11%	8%	6%
Хотел бы переехать в другой регион России	4%	4%	24%	7%	12%	12%
Хотел бы уехать за границу, в другую страну	5%	3%	8%	8%	6%	6%
Затрудняюсь ответить	10%	3%	6%	9%	4%	6%

Распределение ответов на этот вопрос свидетельствует об известной дифференциации жителей исследуемых регионов. Можно выделить три региона с близкими показателями: два контрольных (Чувашия и Костромская область) и один фронтирный (Калининградская область). В этих регионах примерно равные доли респондентов (70—72%) заявили о своем нежелании куда-либо переезжать. Подобные настроения, вероятно, вызваны разными причинами, хотя можно предположить, что в Калининградской области они связаны с уверенностью значительной части населения, что оно живет лучше, чем другие россияне⁶. Важно отметить, что среди тех, кто ориентирован на переезд, в Калининградской области лидирует вариант «другой населенный пункт в пределах региона», тогда как в Чувашии и Костромской области — «другой регион России».

Намерение сменить место жительства наиболее широко распространено среди жителей Мурманской области: более трети участников опроса (около 40%) заявили о желании переехать, причем чаще всего — в «другой регион России». Очевидно, это вызвано непростыми климатическими условиями в области и принятой практикой переезда в регионы с более комфортным климатом после завершения трудового контракта⁷.

⁶ См. РИА Рейтинг 2016.

⁷ По словам регионального эксперта, «миграционные настроения вызваны особенностями реализации рыночных реформ, при которых северные предприятия оказались неконкурентоспособными и закрываются. Поэтому на переезд в большой степени нацелена молодежь, ищущая возможности профессиональной реализации».

Меньше всего желающих сменить место жительства в Крыму, где 77% участников опроса сообщили, что «не хотят никуда уезжать», а еще 12% хотели бы переехать в другой населенный пункт своего региона. Потенциально готовы покинуть пределы полуострова лишь 7% крымчан (и этот показатель не зависит от национальной идентификации). Молодежь обычно чаще настроена на смену места жительства, чем представители старшего поколения; это верно для всех регионов, хотя и в разной степени.

Дополнительным индикатором восприятия региона является декларируемое респондентами желание, чтобы в регионе остались жить их дети и внуки (см. табл. 4).

Таблица 4 Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети и внуки остались жить в Вашем регионе?

<i>Варианты ответа</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>Крым</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>Приморский край</i>	<i>Костромская обл.</i>	<i>Чувашия</i>
Да, совершенно точно хотел бы / Да, скорее хотел бы	58%	73%	29%	40%	52%	53%
Нет, совершенно точно не хотел бы / Нет, скорее не хотел бы	12%	10%	37%	28%	26%	25%
Мне это безразлично, пусть решают сами дети и внуки	8%	11%	14%	12%	9%	14%
Другое	2%	2%	8%	7%	6%	6%
Затрудняюсь ответить	19%	5%	12%	13%	7%	3%

По доле тех, кто считает решение о переезде делом самих детей и внуков, регионы мало различаются между собой (этой точки зрения придерживаются от 8 до 14% респондентов). Но по соотношению желающих и не желающих, чтобы их дети и внуки остались в регионе, дифференциация весьма значительна. При этом она наиболее существенна между регионами «фронта»: если в Крыму (особенно) и в Калининградской области большинство респондентов (73% и 58% соответственно) хотели бы, чтобы их дети и внуки продолжали жить в регионе, то в Приморском крае этот показатель составляет лишь 40%, а в Мурманской области — 29%. Мурманская область — единственный из исследуемых регионов, где доля респондентов, не желающих, чтобы их дети и внуки жили в регионе (37%), выше доли тех, кто этого желает. Регион

всегда считался неблагоприятным по климатическим условиям, и люди жили там, чтобы «заработать на старость, а потом уехать». Когда же экономическая привлекательность региона снизилась, пропал и смысл оставаться в нем⁸.

⁸ За период с 1990 по 2015 г. население области снизилось на треть (с 1164 до 762 тыс. человек).

Очевидно, что отсутствие стремления переезжать самому вызвано не только привязанностью к региону и «родному пепелищу», но и пониманием объективных сложностей и препятствий на этом пути. Намерения в отношении себя — это во многом реальные планы, завязанные на объективные обстоятельства, а в отношении детей и внуков — скорее желания и мечты. И только в двух регионах — Крыму и Калининградской области — различия между ними относительно невелики.

Заслуживает внимания и особенность, объединяющая все фронтирные регионы (за исключением Крыма) и резко отличающая их от контрольных, — большая доля затруднившихся сформулировать свои пожелания насчет места жительства детей и внуков. Основываясь на данных ДФГ, можно предположить, что это связано с отсутствием отчетливой государственной стратегии (а значит, и перспективы) развития этих территорий, понятной местным жителям. С одной стороны, государство демонстрирует растущее внимание к фронтирным регионам — там реализуются (или, во всяком случае, обсуждаются) крупные инфраструктурные проекты, на уровне риторики должностных лиц подчеркивается значимость этих территорий для укрепления безопасности страны и международного сотрудничества. Все это порождает у местных жителей ощущение важности места их проживания, наличия у него серьезного потенциала. С другой стороны, рассуждения о значимости этих регионов не выходят за рамки общих фраз, а проекты развития больше похожи на импровизацию (в стиле «*надо же что-то делать*»). Поэтому осознание потенциала территории соседствует с сомнениями в его реализации. При такой интерпретации получает объяснение и «аномалия» Крыма, где по поводу будущего места жительства своих детей и внуков сомневаются только 5%, — именно в этом регионе государство проявило способность к стратегическим решениям (по крайней мере, в восприятии жителей).

Территориальная идентичность

Одной из ключевых задач исследования являлось определение территориальной идентичности населения фронтирных регионов РФ, то есть выяснение того, с какими территориальными общностями отождествляют себя граждане. Актуальность решения этой задачи обусловлена спецификой расположения данных регионов, имеющей своим следствием сравнительно высокий уровень трансграничной коммуникации и повышенное влияние «приграничных» государств и культур.

В анкету были включены вопросы для измерения степени выраженности у респондентов пяти типов идентичности — локально-территориальной, региональной, общенациональной (страновой), интернациональной и космополитической (метанациональной). Так, в частности, им

предлагалось ответить на вопрос, кем они лично считают себя в первую очередь — (1) жителями своего города, района, (2) жителями своего региона (области, края), (3) россиянами, (4) гражданами СНГ, (5) европейцами или же (6) жителями планеты Земля? Полученные ответы свидетельствуют о заметных различиях между регионами (см. табл. 5).

Таблица 5 Скажите, пожалуйста, кем Вы лично считаете (ощущаете) себя в первую очередь?

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
Жителем своего города, района	24%	16%	22%	30%	44%	25%
Жителем своего региона (области, края)	10%	35%	11%	20%	9%	10%
Россиянином, гражданином России	60%	41%	57%	41%	42%	58%
Гражданином СНГ, союза стран бывшего СССР	2%	3%	5%	2%	2%	2%
Европейцем, жителем Европы	1%	1%	1%	1%	0%	0%
Гражданином мира, жителем планеты Земля	2%	3%	4%	2%	2%	4%
Затрудняюсь ответить	1%	1%	1%	3%	1%	1%

Прежде всего выделим три региона со сходной территориальной идентичностью населения — два фронтальных (Калининградская и Мурманская области) и один контрольный (Чувашия). Эти регионы демонстрируют преобладание страновой идентичности: большинство респондентов (57–60%) там считают себя в первую очередь «россиянами, гражданами России». Заметим, что эти показатели весьма близки к фиксируемому по РФ в целом (55%)⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что оба упомянутых фронтальных региона отличаются высокой долей некоренных жителей. Понятно, что для приехавших из других регионов России и имеющих определенные связи с ними (память, родственники) естественнее связывать себя со всей страной, чем с конкретным регионом.

⁹ Здесь и далее в этом параграфе данные по РФ в целом приводятся по результатам опроса, проведенного в апреле 2016 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» (http://eurasiamonitor.org/grazhdanskaia_i_territorialnaia_idientichnost).

Остальные типы идентичностей тоже представлены в этих трех регионах в близких долях: в принципе не свойственная россиянам *региональная идентичность* (отождествление с регионом проживания) присуща 10—11% их жителей (по РФ в целом — 9%). *Локальная идентичность* (отождествление с населенным пунктом) распространена более широко (22—25%), что характерно и для РФ в целом (28%).

Каждый из трех других регионов — Приморский край, Костромская область и Крым — с точки зрения территориальных идентичностей жителей обладает своими особенностями. Общим для них является лишь сравнительно низкий (41—42%) уровень *страновой идентичности*.

В Костромской области наряду с пониженной страновой идентичностью наблюдается существенно более высокий, чем в других изучаемых регионах (и РФ в целом), уровень *локальной идентичности* — 44%. Региональная и иные типы идентичностей распространены там заметно меньше.

В Приморском крае уровень *локальной идентичности* хотя и ниже, чем в Костромской области, но выше, чем в других рассматриваемых регионах (30%). При этом — в отличие от той же Костромской области — примерно каждый пятый приморский респондент заявил, что считает себя жителем своего региона (*региональная идентичность*); сильнее этот тип идентичности выражен только в Крыму. Очевидно, что на формирование территориальной идентичности здесь влияют такие факторы, как географическая удаленность от центральной России, позиционирование региона как особой территории, восприятие себя «на краю земли», — ощущение связи со своим городом/селом или регионом проживания свойственно большей части жителей края, чем осознание принадлежности к стране.

Крым, лишь несколько лет назад ставший частью России, представляет собой отдельный уникальный случай. Это единственный регион из шести, в котором *региональная идентичность* более значима, чем *локальная*; здесь вообще самый высокий уровень региональной идентичности — 35%. Вероятно, такая ситуация в какой-то мере объясняется текущим моментом, вхождением Крыма в состав РФ и сменой гражданства, влекущими за собой смену идентичности. В этих условиях отождествление людей с Крымом носит адаптационный характер, позволяя им сохранить чувство стабильности на фоне происходящих трансформаций. К тому же Крым как полуостров — географически цельный объект, он и воспринимается именно так, Крым — это регион. Именно *региональная* идентичность, ощущение себя «крымчанином», является сегодня фактором, мобилизующим значительную часть населения региона.

Что касается других, метанациональных типов территориальной идентичности, то они не имеют широкого распространения. Европейцами себя ощущают не более 1% опрошенных (даже в географически приближенной к Европе Калининградской области). С жителями СНГ

¹⁰ Следует отметить, что показатели территориальной идентичности в исследуемых регионах в принципе хорошо согласуются с теми, что были зафиксированы нами в исследовании 2011 г. «Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках» (см. Задорин и Зайцев 2011). Вместе с тем сравнение с регионами того проекта (Татарстан, Ивановская область, Пермский и Краснодарский края) указывает на уменьшение доли локальной идентичности и рост идентичности общенациональной.

Восприятие региона как «особого». Конкурентные преимущества

(стран бывшего СССР) идентифицируют себя 2–3% респондентов (показатели в пределах статистической погрешности; в целом по РФ — 3%), чуть чаще — жители Мурманской области (5%). Сходным образом обстоит дело и с вариантом «гражданин мира, житель планеты Земля» (от 2% до 4% в разных регионах, что соответствует общероссийскому уровню)¹⁰.

Общей для всех регионов зависимости территориальной идентичности от социально-демографических характеристик респондентов не выявлено. Правда, прослеживается некоторое влияние материального фактора — представители групп с высоким и средним доходом чаще характеризуют себя как «в первую очередь граждан России», чем малообеспеченные категории населения.

Определенная дифференциация фиксируется в регионах со сравнительно неоднородным национальным составом — в Чувашской республике и в Крыму. Так, в Чувашии среди представителей титульной национальности региональная идентичность выражена более отчетливо, чем среди русских (13 и 4% считающих себя жителями своего региона соответственно). В Крыму среди тех, кто идентифицировал себя в качестве русских, в первую очередь гражданами России считают себя 47%, среди украинцев таких 35%, а среди крымских татар — лишь 12%. Локальная (36%) и региональная (43%) идентичности присущи татарскому населению гораздо больше, нежели страновая.

Территориальная самоидентификация во многом зависит от того, каким видится гражданам регион, где они живут. Поэтому одним из вопросов, поднимавшихся в ходе фокус-групповых дискуссий, был вопрос о восприятии своего региона, о его «особости», отличии от других регионов страны, конкурентных преимуществах и слабостях. Ниже приводятся основные выводы по итогам обсуждения в четырех фронтальных регионах.

Крым. Восприятие Крыма как особого региона присутствует во всех трех социальных группах, принявших участие в дискуссиях (представители экспертного сообщества, бизнеса и гражданского общества). Все участники ДФГ солидарны во мнении, что Крым — уникальный регион, обладающий «сакральным смыслом» и особой связью с Россией, регион, связанный с Россией исторически и духовно («энергетически»).

В актуальном восприятии респондентов выявлены практически все основные элементы, характеризующие отличие Крыма от других регионов России. При этом можно выделить несколько наиболее важных составляющих этой «особости», на которые обращалось внимание во всех трех ДФГ:

- геополитическое и стратегическое значение региона с точки зрения международных отношений и внешнеполитических интересов России;

- уникальное географическое расположение в плане военной политики (юго-западный форпост России, база Черноморского флота);
- исторически сложившийся конгломерат культур и народностей, поликультурность; как следствие, множество нюансов, не присущих другим регионам;
- «островное» расположение, природные особенности, уникальный климат, особое значение для развития туризма и оздоровительного отдыха;
- психологическая чувствительность к ситуации «оторванности», акцентирование роли Керченского моста как фактора развития региона, завышенные ожидания;
- наличие уходящих корнями в историю внутрирегиональных противоречий и противопоставлений. Например, «Севастополь—Симферополь» (политический и частично национальный срез), «Евпатория—Ялта» (культурный и культурно-исторический срез), «Керчь—Феодосия» (исторический и культурный срез, почти конкуренция).

Важно отметить, что, несмотря на географическую обособленность региона от Центральной России, в фокус-групповых дискуссиях ничего не говорилось о его изолированности. Напротив, большинство участников подчеркивали стратегическую значимость региона для страны в целом, в первую очередь в плане международных отношений.

В наибольшей степени склонны признавать «особость» региона с точки зрения его геополитического значения и стратегического потенциала эксперты и представители гражданского общества. Особо выделяется культурно-цивилизационный потенциал. Что касается представителей бизнеса, то они на первое место ставят климатические, природные особенности региона, влияющие на его экономическое развитие, прежде всего на развитие туризма.

В то же время в восприятии региона прослеживаются элементы регионального иждивенчества, связанные с отсутствием в социально значимых группах и обществе в целом понимания внутренних источников экономического развития.

Определение «уникальный» участники исследования в Крыму применяли практически ко всем составляющим социальной и экономической жизни региона. Среди основных описательных элементов, используемых для его характеристики, чаще всего встречались такие, как: *географическая и климатическая уникальность, приграничный регион, геополитически значимый регион, форпост России, многокультурный, многоконфессиональный регион.*

При всем том, по мнению некоторых экспертов, Крым выступает своего рода «зеркалом» России. Более позитивный настрой крымчан, зафиксированный в распределении ответов абсолютно на все вопросы, их большее доверие к российскому государству связаны не только с эмоциональным подъемом от возвращения в Россию, но и с тем, что

крымчане, в отличие от жителей остальных исследуемых регионов, имеют опыт жизни в другом государстве. Таким образом, получается, что «со стороны» Россия может выглядеть лучше, чем изнутри.

Калининградская область. Участники групповых дискуссий отмечали, что, как и любой другой регион России, Калининградская область обладает своей спецификой. На первое место большинство участников ДФГ поставили самих калининградцев. Культурно-историческая среда, особенности заселения территории и воздействие окружающих ее стран привели к формированию особого типа людей, своеобразного «калининградского этноса». При этом было выделено несколько факторов, повлиявших на характеристики этого «этноса»:

- изначально высокая доля приезжих из других регионов;
- регион — эксклав, в котором все прежнее население было заменено новым;
- соединение двух культур, двух исторических периодов, двух разных типов архитектуры (соединение немецкого и русского).

Вторая отличительная черта, тесно связанная с первой, — процессы, происходившие в области в последние 70 лет в целом и в постсоветский период в частности. С января 1996 г. по март 2016 г. в области действовал режим особой экономической зоны (ОЭЗ). Это создавало иные, чем в «большой России», правила хозяйствования и предпринимательской активности, а тем самым — и иные условия развития территории.

Третья особенность региона — географическое положение, близость стран Запада и оторванность от метрополии. Маленькая область со всех сторон окружена границей. А граница — это не только закрытость, но и дополнительные возможности, в том числе контрабанды. На территории области три портовых города, а *«это всегда большая воляница и раскрепощенность людей»*.

Четвертая особенность — зависимость от геополитической ситуации и, как следствие, от решений, которые принимаются в Москве (и не только).

Пятая особенность — в области нет «якорных» предприятий, в ней всегда существовали и развивались совершенно разные отрасли хозяйства. Эта диверсификация особенно проявилась в последние годы: оборонка и туризм, портовый комплекс и нефтедобыча, автосборка и производство консервов, мебели и телевизоров, с недавнего времени — сельское хозяйство. При всем том область остается дотационной.

Пятая особенность порождает шестую — большую зависимость от федерального центра не только в геополитическом, но и в экономическом плане.

Мурманская область. Восприятие Мурманской области как особой прослеживается во всех фокус-группах, участвовавших в дискуссиях. Как и в случае Крыма, в актуальном восприятии респондентов выявлены практически все основные элементы, характеризующие

«особость» региона. К наиболее значимым составляющим этой «особости», отмечаемым во всех трехДФГ, относятся:

- стратегическое значение региона с точки зрения международных отношений;
- особый геополитический статус (форпост);
- геоэкономическое положение, особое значение в плане освоения Арктики;
- традиционно высокая миграционная активность;
- высокий уровень межнациональной толерантности, близость к европейской ментальности.

Как и в Крыму, в наибольшей степени склонны признавать «особость» региона с точки зрения его геополитического влияния и стратегического потенциала эксперты и представители гражданского общества, тогда как предприниматели делают упор на климатические, природные особенности региона, влияющие на его экономическое развитие.

Восприятие «особости» региона носит выражено позитивный характер. УчастникиДФГ с симпатией и гордостью говорили об уникальности региона, его высокой значимости для развития страны в целом. Несмотря на географическую удаленность региона от Центральной России, в фокус-групповых дискуссиях практически не звучало мысли о его заброшенности или изолированности. Напротив, большинство участников подчеркивали стратегическую значимость региона для России как в плане экономики, так и с точки зрения международных отношений.

Определение «уникальный» участникиДФГ применяли практически ко всем составляющим социально-экономической жизни региона. Среди основных описательных элементов, использовавшихся для его характеристики, наиболее распространенными были: *приграничный регион, форпост России, регион с единственным в мире ледокольным флотом, урбанизированный, инновационный.*

Вместе с тем в региональном общественном сознании присутствует определенный консерватизм и патернализм (исторически сложившаяся ориентация на поддержку со стороны федерального центра), ностальгия по советскому прошлому. Либерально-демократические идеи не пользуются широкой поддержкой среди населения области, несмотря на его достаточно высокий образовательный уровень, урбанизированность региона и близость Скандинавии.

В целом же выявленные характеристики идентичности, по мнению некоторых экспертов, в большей степени обусловлены «северностью» региона, его суровыми климатическими условиями, особенностями культурно-исторического освоения и современными социально-экономическими проблемами, нежели геополитическим положением (фронтирностью).

Приморский край. Главные особенности региона в восприятии всех фокус-групп — и экспертов, и предпринимателей, и представителей гражданского общества — расположились в такой последовательности:

- природные особенности (красивая и разнообразная природа, выход к морю; именно с природой ассоциируется «богатство» региона: полезные ископаемые, животный и растительный мир);
- особенности, связанные с историей заселения (Приморский край — регион недавнего заселения, куда ехали инициативные, смелые люди, которые не боялись оставить обжитые места; при этом ввиду специфики заселения здесь образовалась своеобразная смесь типов служилого государственного человека, предпринимателя и временщика);
- ментальные особенности (открытость, предприимчивость, способность быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам; оборотной стороной этой самостоятельности и самодостаточности является оппозиционность по отношению к власти, вольнодумие);
- географические особенности (близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, что делает Приморский край одновременно и стратегическим форпостом, и своеобразной витриной России; географическое положение обеспечивает краю также роль логистического узла и туристического центра).

Приморский край воспринимается как богатый регион, где люди живут зажиточнее, чем в среднем по стране, как регион, который в силу своего географического положения призван способствовать экономическому развитию России и обеспечивать ее безопасность. Здесь даже в советское время, когда Владивосток был закрытым городом, десятки тысяч моряков посещали зарубежные страны и знали, как живет мир. Вместе с тем географическое положение является и источником угроз (опасность со стороны соседних государств). Удаленность от исторического центра России и прямой выход к странам Востока как бы сами собой, по умолчанию, формируют миссию региона: проводник европейской цивилизации в Азии.

По результатам исследования можно выделить и запрос (точнее, один из запросов), на который должна ответить перспективная стратегия развития региона. Это запрос на эффективную коммуникацию как между разными уровнями власти, так и между государством и гражданским обществом (куда мы включаем и публичных экспертов). Дефицит такой коммуникации ощущается во всех рассматриваемых фронтальных регионах, но Приморский край в этом плане особенно показателен. На его примере мы видим, как активная политика государства по развитию территории сосуществует с убеждением, что Москва «не понимает» особенностей региона, назначает временщиков на ключевые должности. Между тем приоритеты современной дальневосточной политики центра объективно совпадают с предпочтительными миссиями Приморского края, выбранными экспертами: миссия «ворота в мир» получила отражение в учреждении свободного порта Владивосток, миссия «технопарк» — в территориях опережающего развития (которых в Приморье уже

четыре), миссия «туристическая зона» — в создании туристической инфраструктуры (центр автоспорта «Приморское кольцо», крупнейшая в России игорная зона «Приморье»).

«Оборонное сознание»

Одна из гипотез настоящего исследования заключалась в том, что фронтирное положение региона способствует формированию у жителей особого, более милитаризованного («оборонного») типа сознания. «Фронтирность» региона определяется не только его приграничным положением, но и геополитической ролью «передового рубежа», в том числе и в непосредственно военном смысле. В связи с этим мы попытались выявить степень милитаризации сознания населения фронтирных регионов. Предполагалось, что во фронтирных регионах она должна быть выше, чем в контрольных. Для измерения «оборонного сознания» использовались такие показатели, как восприятие населением текущей военно-политической обстановки (наличие внешних угроз), оценка им боеспособности российских вооруженных сил, а также отношение к присутствию в регионе баз военно-морского флота.

Полученные нами опросные данные не подтвердили гипотезу о наличии во фронтирных регионах особого «оборонного сознания». При том что уровень восприятия угрозы военного нападения на Россию иностранных государств и различается по регионам, влияния на оценки населения фактора «фронтирности» не просматривается (см. табл. 6).

Таблица 6 Выберите, пожалуйста, в паре нижеприведенных суждений то, с которым Вы в большей степени согласны

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
В настоящее время существует вполне вероятная угроза военного нападения на Россию со стороны некоторых иностранных государств	44%	58%	49%	56%	54%	50%
В настоящее время России никто из иностранных государств не угрожает, и вероятность военного нападения на Россию отсутствует	37%	36%	40%	32%	35%	38%
Затрудняюсь ответить	19%	6%	11%	12%	11%	13%

Наименьшая доля считающих вероятной угрозу военного нападения зафиксирована в Калининградской области: удара «с запада» ожидают лишь 44% жителей эксклава. В Крыму, Приморском крае и Костромской области эта доля заметно выше — 58, 56 и 54% соответственно. Причина того, почему в этом плане Калининградская область так отличается от других регионов, требует отдельного исследования.

В целом следует констатировать, что доля допускающих возможность военного нападения на Россию сегодня выше доли придерживающихся противоположного мнения. И это верно для всех рассматриваемых регионов. То есть текущая военно-политическая обстановка в стране воспринимается как довольно тревожная, причем независимо от географического положения региона проживания.

Одной из особенностей изучаемых фронтальных регионов является наличие в них баз ВМФ. Соответственно, логично выяснить, воспринимают ли жители присутствие военной базы как угрозу, либо, напротив, оно создает у них чувство защищенности.

Результаты опросов оказались довольно близкими. У подавляющего большинства жителей всех четырех регионов фронта присутствие базы ВМФ порождает чувство защищенности. Доля испытывающих такое чувство выше всего в Крыму (89%), ниже всего — в Мурманской области (77%). Угрозу для региона в наличии базы ВМФ видят от 4 до 10% населения.

В целом, по совокупности показателей, чуть более обеспокоенными текущей военно-политической обстановкой выглядят жители Мурманской области и Приморского края, а самыми «спокойными» — крымчане. Однако различия не очень значительны, причем между фронтальными регионами они заметнее, чем между фронтальными и контрольными. Это не дает оснований для вывода о наличии у жителей «приграничных» регионов какого-то особого «оборонного сознания».

**Открытость миру,
отношение
к зарубежным
странам**

¹¹ См., напр.
Задорин и др.
2015.

К типовым свойствам культурной и территориальной идентичности фронта принято относить открытость внешнему миру, готовность к определенной внешней экспансии. Чтобы определить, присущи ли — и в какой мере — эти качества населению изучаемых регионов в анкету был включен блок вопросов «Интеграционного барометра ЕАБР», многократно и успешно использовавшихся в опросах во всех странах СНГ¹¹.

Полученные данные подтвердили, что во фронтальных регионах выше *трансграничная мобильность населения*, но направлена она в основном на ближайшую зарубежную страну. Хорошая осведомленность об устройстве жизни в странах-соседях ведет к тому, что жители фронтов более лояльны и открыты к *культурному обмену* именно с такими странами. Это касается и приема туристов, и импорта художественной продукции, и приглашения зарубежных деятелей культуры. В соответствии с территориальным расположением фронтов сформировались и, вероятно, будут развиваться три выраженных очага культурного влияния:

в Калининградской области это европейская культура, в частности прибалтийская и польская; в Мурманской — скандинавская; в Приморском крае — азиатская, прежде всего китайская, японская и южнокорейская. Население Крыма ориентировано на культурный обмен и контакты со странами ЕС, но такая ориентация не подкреплена посещением стран Евросоюза. Самым закрытым к взаимодействиям в социокультурной сфере оказался Приморский край, где, отвечая на вопрос, к влиянию культуры каких стран открыт их регион, респонденты чаще других выбрали вариант «*Таких стран нет*».

Что касается *экономического взаимодействия* (приток человеческого и финансового капитала, предпринимателей, сотрудничество в научной сфере, покупка импортных товаров), то население фронтальных и контрольных регионов к нему одинаково открыто. Вместе с тем между самими регионами-фронтами наблюдаются существенные различия. Так, жители Мурманской области (ориентация на страны Скандинавии) и Приморского края (ориентация на Китай, Японию, Южную Корею) проявляют выраженную лояльность к притоку финансовых активов и бизнеса, сотрудничеству в научной сфере и импорту товаров из соседних государств. Однако экономическая открытость не включает в себя готовность принимать учащихся, рабочих и специалистов даже из стран, с которыми имеются налаженные социокультурные и экономические связи. Население Крыма почти по всем показателям демонстрирует наибольшую открытость к экономическому взаимодействию со странами ЕС — за исключением сотрудничества в сфере техники, где оно ориентировано на Японию и Китай. В Калининградской области не просматривается отчетливых тенденций в отношении населения к проникновению иностранного капитала. В этом регионе до половины респондентов затруднились с выбором стран, с которыми стоило бы развивать связи в сфере бизнеса, капитала и рынка рабочей силы (что в полтора-два раза превышает средний показатель по России). Наиболее «закрытым» и нелояльным к притоку внешних трудовых ресурсов и даже инвестиций является Приморский край: как и в случае с социокультурным взаимодействием, отвечая на вопрос, для каких стран должен быть открыт их регион в экономическом плане, по всем позициям, кроме импорта товаров, приморские респонденты чаще других выбрали вариант «*Таких стран нет*». Учитывая огромную внешнеэкономическую активность населения края, подобная позиция респондентов может показаться странной, однако за ней, по-видимому, скрываются небеспочвенные опасения по поводу растущей экспансии Китая на дальневосточные земли.

Самыми дружественными по отношению к России странами население изучаемых регионов считает Беларусь, Казахстан и Китай¹². Эти страны, по мнению респондентов, являются наиболее вероятными получателями военно-политической помощи со стороны России, и в случае необходимости они могли бы оказать ей обратную поддержку в виде оружия, военного контингента или иных материальных и нематериальных ресурсов. Основным партнером России, в глазах большинства

¹² Перечислено в порядке убывания доли упоминаний.

жителей регионов-фронтиров (кроме Приморского края), выступает Беларусь. На восточной границе в дипломатических и военно-политических вопросах более склонны доверять Китаю. Несколько выше уверенность в Беларуси как в дружественной стране в Крыму и Мурманской области.

Главную угрозу для России, с точки зрения населения фронтальных регионов, представляет политика США, Украины и стран Балтии; это мнение разделяют жители всех четырех регионов (небольшие отличия зафиксированы в Приморском крае, где, помимо США и Украины, была упомянута Германия). Следует отметить, что восприятие Украины как врага России распространено в них меньше, чем в контрольных регионах.

Представления о культурных и экономических эталонах в массовом сознании населения фронтиров в основном связаны с интересом к той или иной стране и посещением ее в качестве туриста. При этом в Калининградской области и Крыму выражена ориентация на страны ЕС, Мурманская область ориентируется как на европейские страны, так и на азиатские (Индию, Китай), Приморский край остается верным азиатскому направлению. Миграционные намерения с целью обучения, временного трудоустройства или проживания за рубежом присущи меньшей части населения восточного, северного и западного фронтиров. Чаще других возможность переезда в страны ЕС для получения образования и работы рассматривают жители Крыма.

Эксперты во всех исследуемых фронтальных регионах фиксируют развитие своего региона в сторону большей открытости, хотя в некоторых случаях этому препятствует ряд политических и институциональных факторов. Так, Калининградская область, будучи дотационным регионом, вынуждена подчиняться политике центра:

«На самом деле больше бы и открылись, потому что на этом можно больше заработать. Но, к сожалению, мы являемся заложниками больших игроков. Больших геостратегов, которые навязывают в том числе и нам какие-то свои взгляды» (Калининград,ДФГ, экспертное сообщество).

Барьером на пути расширения открытости выступает также географическая и политическая изоляция, что особенно актуально для Крыма:

«Коротко говоря, локализация Крыма в определенных географических условиях для населения Крыма является не защитой, а препятствием к открытости. И поэтому хотят, чтобы этот мост был быстрее [построен], поэтому хотят, чтобы был паром и морская переправа, чтобы было больше открытости. Это основное, что нужно. Потому что народ хочет быть в общем регионе с Россией. А что касается иностранных инвестиций, то это не проблема Крыма, это проблема всей России, всех регионов» (Крым,ДФГ, экспертное сообщество).

Ключевую для эффективного использования открытости проблему респонденты видят в неспособности государства обеспечить законность и четко сформулировать национальные интересы. При этом

сама дилемма «открытость — закрытость» предстает условной, и оценки здесь зависят от целеполагания — важно понимать, для чего мы открываемся или закрываемся.

В глазах многих участников ДФГ открытость региона не является самоцелью. Вместе с тем, с их точки зрения, она важна для расширения торговли, развития экономики и полноценной жизнедеятельности приграничного региона в целом:

«Должны быть более открытыми. В принципе, Мурманск изначально создавался как транзитный регион, он должен быть связующим звеном между югом-севером, Арктикой-Европой и так далее. Чем более закрытый, тем менее это удобно делать. И тем это хуже для региона» (Мурманск, ДФГ, экспертное сообщество).

«Чем больше открытости, тем лучше. Потому что любые запретительные барьеры, они ухудшают жизнь» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

Надо сказать, что открытость фронтальных регионов имеет еще одно неявное следствие. По мнению одного из участников ДФГ, она делает отдаленные от центра приграничные регионы менее провинциальными:

«Открытость компенсирует периферийность. Если бы не открытые границы, мы бы, наверное, были бы значительно более периферийны» (Мурманск, ДФГ, экспертное сообщество).

В то же время, по мнению экспертов, пределы экономической открытости должны определяться политическими интересами страны и региона.

Представления о миссии региона и стратегии его развития

При проведении исследования мы исходили из гипотезы, что фронтеры — это не просто «приграничные регионы», а регионы с особой миссией, обусловленной их стратегическим территориальным расположением. Соответственно, одна из задач исследования заключалась в том, чтобы выяснить, присутствуют ли в сознании жителей изучаемых регионов представления о такой миссии и какой она им видится.

В рамках опроса респондентам четырех фронтальных регионов было предложено выбрать наиболее предпочтительный для них вариант развития их региона на ближайшие годы из списка, включавшего в себя следующие позиции:

- 1) регион должен развиваться как передовой бастион (форпост, военная крепость) на рубежах России;
- 2) регион должен развиваться как «свободный порт», «окно», торговые ворота (терминал) из России во внешний мир и из внешнего мира в Россию;
- 3) регион должен стать большим «технопарком», территорией развития и внедрения передовых технологий, распространения российских инноваций за рубеж, а зарубежных — в Россию;

- 4) регион должен развиваться как туристическая зона, производитель экологически чистых сельхозпродуктов, как экологический заповедник;
- 5) у региона не должно быть одной доминирующей стратегии развития, надо пробовать развивать разные направления, сочетая их с возможностями местных трудовых ресурсов.
- Распределение ответов на этот вопрос представлено в *табл. 7*.

Таблица 7 Скажите, какой вариант развития региона в ближайшие годы кажется Вам наиболее подходящим, желательным для жителей региона? Какой должна быть главная стратегия развития региона с этой точки зрения?

<i>Варианты ответа</i>	<i>Калининградская обл.</i>	<i>Крым</i>	<i>Мурманская обл.</i>	<i>Приморский край</i>
Регион должен развиваться как передовой бастион (форпост, военная крепость) на рубежах России	8%	10%	24%	10%
Регион должен развиваться как «свободный порт», «окно», торговые ворота (терминал)	7%	14%	15%	25%
Регион должен стать большим «технопарком», территорией развития и внедрения передовых технологий	7%	6%	7%	21%
Регион должен развиваться как туристическая зона, производитель экологически чистых продуктов и заповедник	26%	48%	5%	17%
У региона не должно быть одной доминирующей стратегии развития, надо пробовать развивать разные направления	40%	18%	39%	21%
Затрудняюсь ответить	13%	4%	8%	5%

Как видно из таблицы, представления жителей разных «фронтов» о желательной стратегии развития их региона существенно различаются. Заметим, что в двух регионах — Калининградской и Мурманской областях — весомая часть жителей (около 40%) не склонна акцентировать какую-либо одну стратегию развития, считая необходимым развивать разные направления; в Крыму и Приморском крае этот показатель вдвое ниже.

Тем не менее в каждом регионе можно выделить конкретный вариант развития, преобладающий в общественном сознании.

¹³ В трех других регионах этот вариант выбрали не более 10% участников опроса.

Собственно «форпостом», передовым бастионом видит свой регион значимая часть населения Мурманской области (24%)¹³. По мнению одного из экспертов, такая ситуация объясняется тем, что *«все северное побережье Кольского полуострова долгое время было полностью закрыто для свободного посещения, а в настоящее время доступ к побережью открыт только в двух населенных пунктах: в Териберке и в Дальних Зеленцах. Большинство жителей области никогда не были на побережье Баренцева моря. Поэтому восприятие региона как северной закрытой границы, сложившееся исторически, сохраняется»*.

Другие стратегии развития получили в Мурманской области меньшую поддержку. Особенно редко выбирались стратегии «технопарк» и «туристическая зона» (последнее, вероятно, связано с суровыми климатическими условиями).

Для населения Приморского края наиболее желательными оказались две стратегии развития: «свободный порт, торговые ворота во внешний мир» и «технопарк» (25 и 21% соответственно). Здесь, видимо, сказывается близость торговых партнеров, которые активно развивают передовые технологии (Китай, Япония). Кстати, этот вывод подтверждают и экспертные оценки. В ходе фокус-групповых дискуссий прозвучала точка зрения, что в настоящее время Приморский край переживает трансформацию своей миссии: от «крепости» и «форпоста» к «воротам в мир», в первую очередь в сторону интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Кроме того, отмечалось формирование «инфраструктуры» для новой миссии благодаря федеральным проектам: транспортная инфраструктура, федеральный университет, территории опережающего развития, свободный порт Владивосток (отсюда и сравнительная популярность варианта «технопарк, территория внедрения передовых технологий»).

Естественный приоритет крымчан — «туристическая зона» (48%). Пожалуй, лишь в этом регионе выбор жителей выглядит относительно согласованным.

Вариант «туристическая зона» оказался приоритетным (в сравнении с другими вариантами развития) и для жителей Калининградской области, однако за него отдали голоса лишь 26% калининградцев, чаще склонявшихся к тому, чтобы не ограничивать развитие региона каким-то одним направлением. Эта установка отчетливо прозвучала также в фокус-групповых дискуссиях, участники которых говорили о том, что ограничение миссии региона каким-то одним вариантом помешало бы развитию других возможностей области.

Таким образом, каждый из предложенных респондентам вариантов стратегии развития нашел приверженцев в том или ином регионе: «передовой бастион» — в Мурманской области, «свободный порт, торговые ворота во внешний мир» и «технопарк» — в Приморском крае, «туристическая зона» — в Крыму и Калининградской области. То есть миссию своего региона жители разных российских фронтиров видят по-разному, к тому же позиции населения внутри регионов не слишком согласованы, и говорить о преобладающей на массовом уровне точке

зрения не приходится (за исключением разве что Крыма). Очевидно, что это идет вразрез с гипотезой о фронтах как о регионах с особой миссией (во всяком случае, если вести речь о понимании такой миссии населением).

Внутриполитические настроения

В соответствии с предварительными гипотезами исследования, территориальная идентичность жителей фронтальных регионов и осознание ими особого статуса этих регионов могут влиять на политические установки и предпочтения, в том числе на оценку текущего положения дел в стране, отношение к центральной и региональным властям, восприятие центра и проводимой им политики. Ключевым здесь является вопрос о том, как приграничные регионы видят свое предназначение, свое место в разделении труда и развитии страны, как они оценивают роль центра и в какой мере стремятся к самостоятельности в принятии решений.

Удовлетворенность положением дел в стране, уровень политической лояльности. Хотя показатели удовлетворенности ситуацией в стране в исследуемых регионах трудно назвать блестящими, они далеки от критического порога. Существенная часть населения этих регионов занимает неопределенную (или осторожную) позицию (см. табл. 8). Крайние точки зрения — «совершенно удовлетворен» и «совершенно не удовлетворен» — разделяет абсолютное меньшинство (3—5%). Явным образом преобладает умеренно-сдержанная позиция — около 45% респондентов выбрали ответ «в чем-то удовлетворен, в чем-то нет». Тем не менее общий спектр ответов смещен в сторону позитива: доля тех, кто «скорее удовлетворен», в полтора-два раза выше доли тех, кто «скорее не удовлетворен».

Таблица 8 Если говорить о России в целом, Вы удовлетворены или не удовлетворены положением дел в стране?

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
Совершенно удовлетворен	6%	14%	5%	1%	3%	4%
Скорее удовлетворен	22%	46%	29%	24%	22%	26%
Чем-то не удовлетворен, чем-то удовлетворен	45%	34%	45%	45%	44%	40%
Скорее не удовлетворен	13%	4%	13%	19%	21%	21%
Совершенно не удовлетворен	3%	1%	4%	6%	6%	5%
Затрудняюсь ответить	12%	1%	3%	4%	4%	2%

По доле позитивно настроенных жителей особо выделяется Крым. Здесь явно преобладают благожелательные оценки — их в два раза больше, чем в остальных фронтирных областях и контрольных регионах. Критическое отношение к ситуации в стране совсем не популярно среди крымчан.

В Калининградской области высока доля затруднившихся ответить (12% против 2—4% в остальных регионах), то есть многие респонденты не определились в своих оценках (или проявляют осторожность).

Приморский край по своим показателям близок к контрольным регионам. Доля средних оценок здесь примерно такая же, как и в большинстве других регионов (кроме Крыма). Доли удовлетворенных и неудовлетворенных положением дел в стране, как и в контрольных регионах, практически равны.

Следующий важный показатель — это *отношение к деятельности руководства страны* (см. рис. 1). Для сравнения наряду с данными по фронтирным и контрольным регионам мы приводим также данные, отражающие мнение россиян в целом (по результатам всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в январе 2017 г.).

Рисунок 1 Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность следующих органов власти нашей страны?

Что касается отношения к деятельности президента РФ, то во всех регионах (и фронтальных, и контрольных) картина достаточно схожая: подавляющее большинство опрошенных оценивает эту деятельность позитивно («одобряю» и «скорее одобряю»), тогда как доля негативных оценок («не одобряю» и «скорее не одобряю») не превышает 17%. В этом плане фронтальные регионы могут рассматриваться как типичные для страны, но при всем том у них есть и свои особенности. Так, крымчане в своей массе сохраняют оптимистический настрой: поддержка деятельности президента в Крыму приближается к 100%. Напротив, в Приморье и Калининградской области доля настроенных негативно и затруднившихся с ответом заметно выше, чем в среднем по РФ, а доля одобряющих не достигает 75% (против 85% по РФ в целом). Показатели Мурманской области практически не отличаются от общероссийских.

Интересную информацию добавляют материалы фокус-групповых дискуссий. Даже в риторике жителей фронтальных регионов иногда просматриваются патерналистские установки в отношении президента РФ. Конечно, в наибольшей степени они присущи жителям Крыма, у них вообще трепетное отношение к президенту, в стиле «царь хороший, бояре плохие». Но подобное восприятие порой демонстрируют и представители других исследуемых регионов:

«Народ сам просит сдерживать себя в ежовых рукавицах. Это же нужно еще и почему? Мы тут целый регион неопределенных: мы не знаем, чего мы хотим, мы не знаем, куда мы идем, а так как мы еще и „совки“ консервированные, то... нам нужно дать какой-то вектор. А это как раз-таки федеральный контроль, и его надо ужесточить» (Крым, ДФГ, экспертное сообщество).

«Как к младшему ребенку Москва к нам относится. Мал золотник, да дорог. В буквальном смысле слова — дорого мы ему обходимся. Потому что закапризничал — значит, нужно особое внимание. А мы этим пользуемся. Ну и, соответственно, к Путину. К нему как к родителю относимся. И в то же время пытаемся перехитрить и т.д.» (Калининград, ДФГ, экспертное сообщество).

«Ну вот, значит, много зависит от президента, кого он выберет или продлит срок действующему губернатору» (Владивосток, ДФГ, бизнес-сообщество).

«Да, на мой взгляд, однозначно, единственное, что нас еще здесь в более или менее цивилизованном состоянии удерживает — это политика федеральной власти» (Владивосток, ДФГ, экспертное сообщество).

Деятельность правительства традиционно вызывает у населения более негативную реакцию. Однако с точки зрения региональных отличий фронтов мы видим те же особенности, что и ранее. Позитивный Крым, где правительство имеет 70-процентную поддержку, «противостоит» Калининградской области и Приморью, где работу правительства одобряют только 36—37%. Приморский край более

открыто выражает недовольство правительством РФ (38% не одобряющих), тогда как респонденты Калининградской области более закрыты и/или не определились в своих оценках (почти 40% затруднившихся ответить). Мурманская область занимает среднее положение между Калининградской областью и Приморским краем, с одной стороны, и Россией в целом, с другой.

Костромская область и Чувашия в данном случае не являются типичными регионами. Доля негативных оценок правительства РФ в них в полтора-два раза выше среднероссийской. И это вполне понятно, ведь речь идет о регионах, не самых развитых в экономическом плане, где население более уязвимо. На это обращали внимание и некоторые участники фокус-групповых дискуссий:

«Мы... депрессивный регион, экономически слабо развитый. Во всех рейтингах буквально, касающихся экономического развития и благосостояния жителей, Костромская область все последние годы выглядит очень печально» (Кострома, ДФГ).

«Действительно, в роли просящих всегда» (Чебоксары, ДФГ).

Вместе с тем едва ли можно говорить о прямой связи между уровнем доверия/недоверия федеральному правительству и качеством жизни в регионе. И здесь, похоже, как раз и проявляются некоторые особые черты жителей фронтальных регионов, такие как смелость, решительность, открытость и (в определенной степени) критический настрой. Довольно показательны в этом смысле материалы фокус-групповых дискуссий.

Складывается впечатление, что при известной доле негатива по отношению к центральной власти участники ДФГ в Костромской области и Чувашии в своей массе все-таки склонны высказывать позитивные суждения и фокусировать внимание на положительных моментах или просто отмалчиваться. Возможно, здесь сказывается то обстоятельство, что фокус-группы проводились «под камеру» и это вызывало у респондентов некоторые опасения (несмотря на все необходимые методические разъяснения). Но при тех же самых формальных условиях проведения фокус-групп в Калининградской области и Приморском крае уровень критичности, открытого обсуждения «наболевших» проблем оказался выше. И это при том, что объективно та же Калининградская область значительно опережает контрольные регионы по качеству жизни¹⁴.

Вот несколько типичных высказываний участников ДФГ фронтальных регионов:

«Федеральная власть хочет что-то сделать, но она не понимает, что ей нужно тут делать» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

«Никто не знает там, наверху, что с нами делать» (Калининград, ДФГ, гражданское общество).

«Я не буду говорить, что власть виновата или что. Но стратегия как-то не просматривалась все время» (Калининград, ДФГ, гражданское общество)¹⁵.

«Я считаю, им [федеральной власти] плевать на наши проблемы абсолютно и мы их не волнуем ни в коем случае именно как люди».

¹⁴ См. РИА Рейтинг 2016.

¹⁵ Аналогичная мысль высказывалась также калининградскими предпринимателями и экспертами.

Как стратегически важный регион — естественно. Но... все остальное для них особого значения не имеет» (Мурманск, ДФГ, гражданское общество).

Восприятие «центра». Выше уже затрагивался вопрос об отношении населения исследуемых регионов к федеральному центру. Рассмотрим его более детально с опорой на материалы фокус-групповых дискуссий.

Важно, что при всех региональных различиях участники ДФГ по многим позициям высказывали очень схожие суждения. Настолько схожие, что можно говорить о ряде тенденций, общих для всех фронтирных регионов.

Во всех фронтирных регионах у участников ДФГ явным образом присутствует понимание «особости» своего региона, его особого статуса в масштабах страны. Вместе с тем население этих регионов остро ощущает свою оторванность от центра. В данном случае речь идет не о провинциальности или периферийности, а именно о расхождении интересов, о незаинтересованности центра в решении региональных проблем, о его невнимании, равнодушии к местной проблематике:

«У меня сложилось впечатление, что регион был на много лет брошен федеральным центром экономически, что выработало привычку к самостоятельности» (Владивосток, ДФГ, экспертное сообщество).

«Нет каких-то долгосрочных отношений, они как бы всегда сиюминутны. Причем как мы можем сиюминутно пользоваться федеральным центром, так и он нами. То есть у нас такие сиюминутные заигрывания друг с другом» (Калининград, ДФГ, гражданское общество).

«Мы — регион, обделенный вниманием... Мы — сироты... Мы действительно обделены вниманием, цели и задачи они нам не ставят и, само собой, не контролируют их выполнение» (Мурманск, ДФГ, экспертное сообщество).

Многие респонденты подчеркивали неэффективность взаимодействия между центром и регионами, говорили о непродуманности и ситуативности политики федеральной власти, об отсутствии у нее ясной стратегии развития региона и внятной региональной политики вообще:

«Это можно рассматривать только как полнейшую непродуманность отношения [центра к региону]» (Мурманск, ДФГ, экспертное сообщество).

«Всегда региональная политика — самое сильное в советской, тем паче в российской административной системе направление. А в Москве даже министерства региональной политики нет, потому что оно им не надо. И в итоге центр реагирует по принципу — где заболело» (Калининград, ДФГ, экспертное сообщество).

«Отношение федерального центра к периферии, к Приморскому краю в частности... с огромным количеством экспромта. То есть нет какой-то долгосрочной и очевидной стратегии» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

«Федеральная власть, с моей точки зрения, видит, что регион имеет колоссальное значение для России в целом, но отсюда уезжают люди, и федеральная власть вкладывает деньги. Но... отток населения продолжается. И, значит, политика ведется неправильная» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

Часто респонденты критически настроены по отношению к региональной власти именно потому, что, по их мнению, руководители регионов являются ставленниками центра и действуют скорее в интересах Москвы, нежели самого региона. Наряду с критикой отдельных лиц в руководстве региона, обвинением их в неэффективном расходовании средств и коррупции, иногда сомнению подвергается и сам принцип назначения губернаторов «сверху», когда в регион приходит «чужой» человек, не знающий его специфики и никак с ним не связанный:

«Первая ошибка — это попытка поставить ставленников из Москвы, временщиков, которые не заинтересованы в соблюдении интересов региона» (Владивосток, ДФГ, экспертное сообщество).

«Давайте возьмем первые лица нашего региона, которые были до этих выборов, до недавних времен. Товарищ Дмитриенко — кто он? Моряк, приехал, отработал, уехал. Вахтовый метод, неплохо заработал» (Мурманск, ДФГ, экспертное сообщество).

Особняком стоит Крым. Но хотя о недостатке внимания со стороны центра в данном случае говорить не приходится, участники ДФГ там указывали на сходные проблемы — отсутствие у центра стратегии развития региона, нецелевое использование средств и коррупция «на местах»:

«Федералы сейчас ведут все значимые проекты, потому что они увидели, что доверять [местным] нельзя. Они, скажем так, финансовые потоки распределяют сами. Они попробовали работать с крымчанами, с крымской властью, и ничего не получилось» (Крым, ДФГ, экспертное сообщество).

«Хотелось бы, чтобы российские власти плотнее занялись теми, кто представляет власть в Крыму, по специфике своей работы я вижу много такого безобразия, что там уже давно тюрьма рыдает по многим людям» (Крым, ДФГ, гражданское общество).

В целом характер взаимодействия регионов с Москвой, по всей видимости, затрагивает некие глубинные и чувствительные моменты в мировоззрении респондентов из фронтальных регионов. Многие из них с сожалением отмечают, что это взаимодействие воспринимается как зависимость, как тяжелое бремя, как обидные отношения типа «барин-холоп». Примечательно, что в контрольных регионах тоже говорят о равнодушии к региону со стороны центральной власти, о собственной обделенности, о невыстроенности отношений между регионом и Москвой и о коррупции местных властей. Но это не вызывает у дискуссионщиков такого эмоционального отклика, как во фронтах. Не исключено, что подобные особенности восприятия придают дополнительные штрихи таким традиционно приписываемым жителям фронтиров чертам характера, как независимость, свободолюбие, активизм:

«Система, при которой тот, кто много работает, обязан много отдавать, причем не добровольно, а принудительно... Отношения — барин и холоп» (Калининград, ДФГ, гражданское общество).

«Взаимоотношений и взаимодействия между федеральной властью и регионом нет. Есть тупое подчинение» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

«Взаимоотношения федеральной власти с регионом строятся по принципу взаимоотношений барина с холопом... У региона полномочий очень мало, в первую очередь в финансах... это все вытекает из налоговой системы... То есть региональная власть вынуждена попрошайничать подачки с центра» (Владивосток, ДФГ, гражданское общество).

Согласно результатам массового опроса, население всех исследуемых территорий полагает, что экономическая ситуация в их регионе в большей степени зависит от центра, нежели от региональных властей (см. табл. 9). В этом плане особо значимых различий между фронтными и контрольными регионами нет. Порядка половины опрошенных считают, что экономическое положение их региона определяется прежде всего позицией федерального центра, и только 30% признают в данном случае первенство региональных властей. В Приморье доли этих двух групп практически совпадают. В Калининградской области традиционно выше среднего доля затруднившихся с ответом.

Таблица 9 Как Вы считаете, от кого в наибольшей степени сегодня зависит экономическое положение нашего региона — от федерального центра, региональных властей, иностранных компаний, российского бизнеса или населения региона (рядовых граждан)?

Варианты ответа	Калининградская обл.	Крым	Мурманская обл.	Приморский край	Костромская обл.	Чувашия
От федерального центра	54%	45%	47%	39%	54%	52%
От региональных властей	18%	36%	31%	36%	29%	28%
От иностранных компаний	0%	2%	2%	3%	0%	1%
От российского и местного бизнеса	4%	6%	3%	5%	3%	4%
От рядовых граждан, населения региона	3%	5%	3%	3%	3%	5%
Ни от чего из перечисленного	0%	1%	1%	7%	1%	0%
Затрудняюсь ответить	22%	4%	12%	7%	10%	11%

На долю других субъектов влияния приходится не более 10% голов респондентов. К этой категории относится и вариант «от рядовых граждан», который выбрали 3–5% опрошенных. Таким образом, население всех исследуемых регионов практически единодушно ощущает свое полное бесправие, неспособность активно участвовать в развитии собственного региона.

Оправданность ситуации, когда экономическая политика региона фактически определяется «сверху» (из центра), нередко подвергалась сомнению в ходе групповых дискуссий. По мнению участников ДФГ, такое положение вещей нетерпимо и нуждается в решительном пересмотре.

Отношение к расширению полномочий региона. Большинство участников ДФГ критически оценивают текущую модель взаимоотношений между федеральным центром и регионами и выступают за ее перестройку. Для изменения ситуации чаще всего предлагались следующие меры:

- оставлять заработанные регионом средства (или значительную их часть) в самом регионе, а не перечислять их в центр в виде налогов;
- предоставить регионам экономическую самостоятельность, создать условия для развития местного бизнеса;
- обеспечить местному населению набор льгот в социальной сфере (жилье и коммунальные услуги, образование и здравоохранение, льготы пенсионерам и детям, возможно, прибавки к зарплате), чтобы люди не уезжали из региона;
- скорректировать цены на авиа- и железнодорожные билеты, предоставить преференции бизнесу из-за усложненной логистики.

Вот наиболее типичные высказывания, прозвучавшие в ходе фокус-групповых дискуссий в различных регионах:

«На мой взгляд, то, чего не хватает региону вообще, — это не политическая самостоятельность, а экономическая самостоятельность» (Владивосток, ДФГ, экспертное сообщество).

«Если бы нам дали то, что мы зарабатываем» (Владивосток, ДФГ, бизнес-сообщество).

«Дайте нам возможность, по крайней мере.... Но нам и возможности особо не дают» (Калининград, ДФГ, бизнес-сообщество).

Ратуя за расширение экономических прав и возможностей регионов, большинство участников ДФГ склонялись к тому, что за центром должны остаться политические функции, в том числе обеспечение административного контроля, поддержание порядка и политической стабильности в стране. Можно предположить, что подобная точка зрения в целом характерна для фронтальных регионов. Выступая за предоставление своим регионам более широких полномочий в сфере экономики, их жители (возможно, именно в силу приграничного статуса данных регионов), вместе с тем признают необходимость сохранения жесткого контроля в сфере политики и правопорядка. Эта тенденция находит отражение в результатах массовых опросов.

Респондентам предлагалось выбрать из двух представленных суждений то, которое в наибольшей степени отражает их позицию. Вопросы касались следующих моментов:

- существование у региона особой сферы ответственности, в которую не должен вмешиваться федеральный центр;
- наличие правил, единых для всех регионов;
- финансовая независимость от центра (собранные в регионе налоги остаются в нем самом, а не перераспределяются по всей стране).

Распределение полученных ответов визуализировано на *рис. 2—4*.

Сразу отметим, что принципиальных различий между фронтирными и контрольными регионами не наблюдается. Вряд ли колебания вызваны приграничным статусом фронтиров. К тому же велика вероятность, что ввиду слишком общей формулировки суждений они могли неоднозначно трактоваться опрашиваемыми. Этим, скорее всего, и вызвано то, что по ряду позиций мнения респондентов разделились почти поровну, а доля затруднившихся ответить иногда превышала 20%.

Из четырех рассматриваемых нами фронтирных регионов стремление к самостоятельности, к расширению своих полномочий наиболее выражено в Приморье. Здесь более 60% опрошенных выступили за закрепление за краем собственной зоны ответственности и финансовую независимость от центра.

Про Калининградскую область сложно сказать что-либо определенное, поскольку там слишком велика доля тех, кто не дал никакого ответа: по вопросу о финансовой независимости — 41%, по вопросу о наличии у региона собственной сферы ответственности — 27%.

Рисунок 2 Выберите, пожалуйста, в каждой паре суждений то, с которым Вы в большей степени согласны

1. У регионов должна быть своя сфера ответственности, в которую федеральный центр не имеет права вмешиваться.
2. Федеральный центр имеет право вмешиваться во все сферы для обеспечения порядка и стабильности в стране.

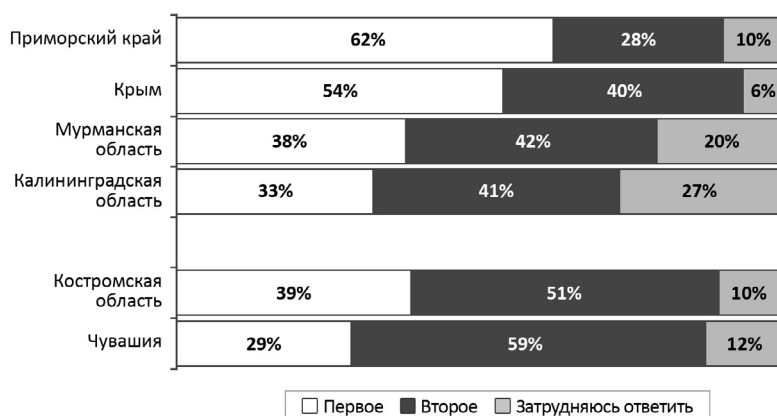

Рисунок 3 Выберите, пожалуйста, в каждой паре суждений то, с которым Вы в большей степени согласны

1. Все регионы России должны жить по единым правилам, без исключений.
2. Регионы России должны иметь право устанавливать собственные правила в пределах своей ответственности и в рамках федерального законодательства.

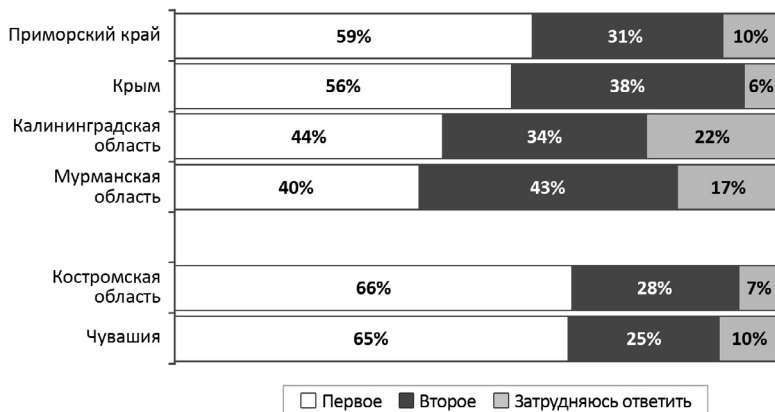
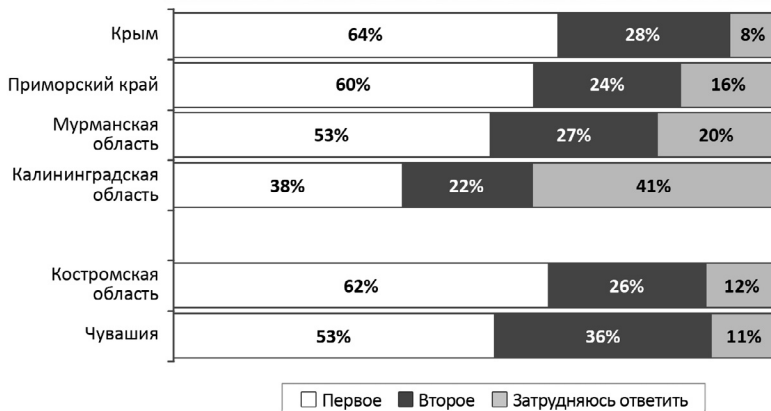

Рисунок 4 Выберите, пожалуйста, в каждой паре суждений то, с которым Вы в большей степени согласны

1. Отдельный регион должен быть финансово независимым от федерального центра (должны быть налоги, которые собираются и остаются в региональном бюджете).
2. Большая часть налогов должна уходить из региона в федеральный бюджет для более оптимального перераспределения средств по всей стране, регион при необходимости может получать субсидии от федерального центра.

Интересно, что при всех патерналистских тенденциях, о которых говорилось выше, крымчане в своем большинстве (более 60%) поддерживают идею как о собственной сфере ответственности, в которую не имеет права вмешиваться центр, так и о финансовой независимости региона.

* * *

Подводя итоги исследования, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

Несостоятельность и непоследовательность федеральной региональной политики отмечают представители всех регионов, как фронтальных, так и контрольных. Однако во фронтальных регионах в силу их приграничного статуса и личностных особенностей жителей эти проблемы воспринимаются гораздо острее и болезненнее. Неэффективность, несправедливое распределение налогов, выкачивание ресурсов, коррупция, непрозрачность и запутанность механизмов и процедур взаимодействия, закрытость, нежелание прислушиваться к мнению «снизу», незнание местной специфики и равнодушие — именно такие претензии к центру чаще всего предъявляются в регионах. Естественно, ставится вопрос о необходимости скорейшего изменения сложившейся ситуации. Но речь идет не столько о центробежных тенденциях, сколько о желании сделать отношения с центром понятными, эффективными, прозрачными, взаимовыгодными и стратегически обоснованными. Открытость региона не самоцель, она важна как ресурс для полноценного экономического и социального развития. Как показывает исследование, фронтальные регионы четко осознают свою особую миссию в рамках страны и готовы ее реализовывать. В этом смысле можно говорить о более осознанном и практически направленном патриотизме жителей фронтальных регионов.

Вместе с тем следует оговориться, что мнение участников ДФГ о непонимании Москвой местной специфики и несправедливом перераспределении налогов является скорее эмоциональной реакцией (усиленной осознанием геополитической и стратегической важности фронтальных регионов), нежели результатом серьезного анализа отношений «центр—регионы». Как заметил один из экспертов из Владивостока, в рамках фокус-групповых дискуссий *«не было даже попыток посмотреть на ситуацию „надрегиональным“ панорамным взглядом, соотнести, сколько „вкладывает“ федеральный центр во фронтальные регионы и сколько „получает“, сколько специфических „региональных политик“ может позволить себе государство, учитывая нестрому российских регионов и крайне неравномерное распределение налоговой базы... Особенно это касается Приморского края с его масштабными федеральными стройками к саммиту АТЭС, свободным портом Владивосток, территориями опережающего развития, то есть как раз примерами особой политики развития региона, налоговых льгот и соучастия в создании необходимой инфраструктуры, фактически не затронутыми по существу в ходе дискуссий»*.

Есть ощущение, что у региональных сообществ формируется своя повестка регионального развития, не совпадающая с повесткой центра, однако обе стороны пока предпочитают как бы не замечать друг друга

(возможно, по причине отсутствия инфраструктуры для конструктивного диалога). Важно отметить, что при проведении фокус-групповых дискуссий (в которых участвовала более «продвинутая» и социальная активная публика) акцент на «особости» и специфике фронтальных регионов проявился гораздо более отчетливо, чем в массовых опросах. В связи с этим можно предположить, что эксплуатация темы «особости» региона и аргументация в стиле «*Москва не знает и не понимает*» зачастую есть форма борьбы местных (региональных) экспертов и интеллектуалов за повышение своего символического капитала («*мы-то, мол, знаем и понимаем*»). И такая борьба, очевидно, неизбежна.

Библиография

Задорин И.В. и Д.Г.Зайцев. (2011) «Состояние и перспективы развития российского федерализма в общественных представлениях и настроениях» // *Политическая наука*, № 4: 258—276.

Задорин И.В., О.А. Гуркина, Л.В.Жвирблис, Т.С.Карабчук, А.А.Моисеева, Л.А.Паутова и Л.В.Шубина. (2015) *Интеграционный барометр ЕАБР — 2015 (четвертая волна измерений)*. СПб.: ЦИИ ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/39b/edb_centre_analytical_report_33_full_rus.pdf (проверено 22.04.2018).

РИА Рейтинг. (2016) *Рейтинг регионов по качеству жизни — 2015*. URL: http://vid1.rian.ru/jg/ratings/life_2015.pdf (проверено 20.04.2018).

Billington R.A. (1973) *Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher*. New York: Oxford University Press.

I.V.Zadorin “FRONTIER” REGIONS: TERRITORIAL IDENTITY AND PERCEPTION OF “SPECIALNESS”

Igor V. Zadorin — Head of the ZIRCON Research Group; Senior Researcher at the Center for Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: zadorin@zircon.ru.

Abstract. The article presents the results of the comprehensive study conducted by the ZIRCON Research Group in four frontier regions of Russia (Crimea, Primorsky krai, Kaliningrad and Murmansk regions) and two control regions located in the Russian geographic core (Kostroma region and Chuvashia). The research methods included collection of data on the current situation in the regions, mass opinion polls and a series of discussion

focus groups that included representatives of (1) small and medium-sized businesses, (2) civil society, and (3) expert community. The sample included adult population of these regions at the age of 18 years and above. The sample size was five thousand respondents.

The study focused on the following components: the rootedness of the population (whether people are potentially ready to move to another region); territorial identity; perception of the region of residence and its population; perception of the characteristics of the inhabitants of the region; the level of trust and the propensity for solidarity; the level of openness; the presence/absence of “defence consciousness”; views on the prospects for the development of the region and its “mission”; the perception of the region as “special” in comparison with other regions of the Russian Federation; the level of political loyalty of the population; the perception of and the attitude to the “federal center”; the attitude to the expansion of the powers of the region.

The study’s ultimate aim was to reveal the link between the territorial identity of the population of the participating regions and their people’s perception of the prospects for the development of the region, including its relations with the federal center and other subjects of the Russian Federation.

Keywords: frontier, mass consciousness, value orientations, territorial and civil identity

References

Billington R.A. (1973) *Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher*. New York: Oxford University Press.

RIA Rating. (2016) *Rejting regionovpo kachestvu zhizni* [Regional Quality of Living Index — 2015]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2015.pdf (accessed 20.04.2018). (In Russ.)

Zadorin I., O.Gurkina, L.Zhvirblis, T.Karabchuk, A.Moiseeva, L.Pautova, and L.Shubina. (2015) *EDB Integration Barometer — 2015 (Fourth Wave of the Survey)*. St. Petersburg: EDB Centre for Integration Studies. URL: https://eabr.org/upload/iblock/19f/edb_centre_report_33_analycal_summary_eng.pdf (accessed 22.04.2018).

Zadorin I.V. and D.G.Zaytcev. (2011) “Sostojanie i perspektivy razvitiya rossijskogo federalizma v obshchestvennykh predstavlenijakh i nastroyenijakh” [Condition and Development Prospects of Federalism in Russia in Public Opinion and Feelings] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 258—276. (In Russ.)